

Налоговое стимулирование экономического роста в России: анализ с позиций налоговой динамичности

Богачёв Сергей Валентинович

Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: SVBogachev@fa.ru

Вишневский Валентин Павлович

Институт экономических исследований, Донецк, Россия, e-mail: vvishn@mail.ru

Цитирование: Богачёв С.В., Вишневский В.П. (2024). Налоговое стимулирование экономического роста в России: анализ с позиций налоговой динамичности. *Terra Economicus* 22(2), 22–38. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-2-22-38

В работе выполнен анализ влияния налоговой политики Российской Федерации на инвестиции и экономический рост в 2009–2022 гг. посредством измерения налоговой динамичности, которая характеризуется соотношением процентного изменения налогов к процентному изменению налоговой базы. Если налоговая динамичность меньше единицы – налоговая политика способствует частным инвестициям, выше единицы – государственным инвестициям, около единицы – имеет место нейтральная налоговая политика. Установлено, что в России в анализируемом периоде можно выделить два этапа: первый (2009–2015 гг.), когда налоговая динамичность была меньше единицы, т.е. темпы прироста налогов отставали от темпов прироста ВВП, и второй (2016–2022 гг.), когда налоговая динамичность превышала единицу, т.е. темпы прироста налогов опережали темпы прироста ВВП. Несмотря на существенное изменение налоговой динамичности, сильно выраженного влияния налогов на инвестиции в НИОКР и основной капитал не выявлено. Это свидетельствует не о том, что налоги не имеют значения (оно может быть выявлено посредством контрфактического анализа), а о том, что их влияние на инвестиции и экономический рост на макроэкономическом уровне было нивелировано действием иных, неналоговых факторов. Второй этап (2016–2022 гг.) отмечен высокой налоговой динамичностью нефтегазовых доходов, но дополнительно полученные правительством доходы не способствовали заметной активизации инвестиционной деятельности. Для того чтобы возвращать деньги в реальный сектор на систематической основе и ускорить экономический рост, следует принять меры по уменьшению эффективной ставки НПО (за счет снижения основной номинальной ставки и/или расширения инновационно-инвестиционных льгот), а в перспективе – по замене налога на прибыль альтернативным налогом, лучше поддающимся цифровизации и меньше препятствующим экономическому росту.

Ключевые слова: экономический рост; налоговое стимулирование; налоговая динамичность; налог на прибыль организаций

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве Российской Федерации.

Impact of taxation on economic growth in Russia: The tax buoyancy approach

Sergey V. Bogachov

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: SVBogachev@fa.ru

Valentin P. Vishnevsky

Economic Research Institute, Donetsk, Russia, e-mail: vvishn@mail.ru

Citation: Bogachov S.V., Vishnevsky V.P. (2024). Impact of taxation on economic growth in Russia: The tax buoyancy approach. *Terra Economicus* 22(2), 22–38 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-2-22-38

The paper analyzes the impact of tax policy in the Russian Federation on investment and economic growth in 2009–2022 by measuring tax buoyancy, which characterizes the percentage change in taxes to the percentage change in the tax base. A tax buoyancy smaller than one would imply tax policy promoting private investment, while a buoyancy of one – public investment. If buoyancy is above one in value, neutral tax policy takes place. We found that within the analyzed period two stages can be distinguished: (1) 2009–2015, featured by tax buoyancy smaller than one, i.e. tax growth rates lagged GDP growth rates; (2) 2016–2022, when tax buoyancy exceeded one, i.e. tax growth rates outpaced GDP growth rates. Despite significant change in tax buoyancy, no strong effect of taxes on investments in R&D and fixed capital was found. This does not mean that taxes do not matter (counterfactual analysis might prove their significance), but indicates that their impact on investment and economic growth at the macroeconomic level was counterbalanced by another factors, which are of non-tax nature. The second stage (2016–2022) was featured by high tax buoyancy in terms of non-oil and gas revenues, but additional revenues received by the government were not converted into increased business activity. To bring money back to the real sector on a systematic basis and accelerate economic growth, measures should be taken to reduce the effective CIT rate (by reducing the basic nominal rate and/or expanding innovation and investment incentives). In the long term, corporate income tax might be replaced with an alternative tax that is less hindering to economic growth and better amenable to digitalization.

Keywords: economic growth; tax incentives; tax buoyancy; corporate income tax

Funding: The research is supported by the budgetary funds within the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

JEL codes: H21, H30

Введение

Налоговое стимулирование экономического роста имеет особое значение для Российской Федерации. Во-первых, потому что экономический рост – это одна из наиболее очевидных и актуальных проблем российской экономики. И, во-вторых, потому что новую роль в ее регулировании играют налоговые инструменты.

В экономическом мейнстриме конца XX – начала XXI в. фискальные инструменты в целом и налоги в частности не считались главным способом экономического регулирования. Эта роль отводилась монетарным инструментам, поскольку они оказывают сильное влияние на экономику и могут оперативно применяться в рамках полномочий национального регулятора (в от-

личие от фискальных инструментов, изменение параметров которых требует длительных политических согласований в рамках бюджетно-налоговых процедур). Кроме того, они хорошо приспособлены для таргетирования инфляции, стабилизация которой в определенных условиях эквивалентна стабилизации разрыва между фактическим выпуском и желаемым объемом производства (Blanchard and Galí, 2007).

Ситуация существенно изменилась в последние годы вследствие проявившихся проблем нетрадиционной политики монетарного регулирования. Многолетнее накачивание экономик развитых стран деньгами (количественное смягчение) в сочетании с беспрецедентно низкими ключевыми ставками и шоком предложения вследствие пандемии коронавируса и геоэкономической фрагментации разогнали инфляцию. И теперь для борьбы с ней монетарную политику приходится ужесточать. В частности, ФРС США продолжает повышать ключевую ставку (в мае 2023 г. она превысила 5% впервые с 2007 г.), что заставляет многие другие страны мира также поднимать процентные ставки с целью противодействия экспорту инфляции и бегству капитала. В таких условиях монетарными методами простимулировать экономику (если фактический выпуск отстает от потенциально возможного) уже не всегда получается. Это означает повышение роли фискального активизма (Wade, 2023). Фискальная политика вернулась (Constâncio, 2020).

В России по разным причинам ситуация с инфляцией также остается непростой, и монетарные власти не исключают возможности дальнейшего повышения ключевой ставки и ужесточения денежно-кредитной политики¹. В таких условиях, как и во многих других странах мира, фискальное, в том числе налоговое стимулирование экономического роста приобретает особое значение. Российское правительство разработало и реализовало ряд мер налогового стимулирования. Результаты важно оценить и сделать соответствующие выводы для политики.

Это можно выполнить различными способами. Обычно используют относительно простые и наглядные методы качественного и количественного анализа фактических данных (Лькова, 2020; Гурнак, Назарова, 2023; Пансков, 2023), хотя могут быть применены и более сложные инструменты, например, эконометрического анализа (Ivanov et al., 2018; Balatsky and Ekimova, 2020) или имитационного моделирования (Vishnevsky and Polovyan, 2016). В данном случае предлагается использовать известный из зарубежной практики метод измерения налоговой динамичности, основанный на количественном анализе статистической информации и финансовой отчетности, особенности которого описаны ниже.

Методология

Налоговая динамичность. Показатель налоговой динамичности (*tax buoyancy*) (B_{TY}) измеряет реакцию налоговых поступлений на изменение налоговой базы (обычно – на изменение ВВП). Наиболее простой способ измерения этой реакции представлен формулой

$$B_{TY} = \frac{\Delta T}{T} \cdot \frac{Y}{\Delta Y} = \frac{\Delta T}{T} \div \frac{\Delta Y}{Y}, \quad (1)$$

где T – налоговые поступления; ΔT – изменение налоговых поступлений; Y – налоговая база (ВВП); ΔY – изменение налоговой базы (ВВП).

Или, по-другому:

$$B_{TY} = \% \Delta T \div \% \Delta Y. \quad (2)$$

Формула (2) напоминает известную формулу ценовой эластичности спроса. По аналогичной формуле считается и налоговая эластичность (*tax elasticity*). В данной статье налоговая эластичность не рассматривается. Дело в том, что в экономическом исследовании показатель на-

¹ Болдов М., Валюх Н. (2023). ЦБ поднял ключевую ставку до 16%. И не факт, что это потолок. *Тинькофф Журнал*, 15 декабря. <https://journal.tinkoff.ru/news/cbr-stavka-15dec-2023/> (дата доступа: 27.12.2023)

логовой динамичности применяется для анализа ситуации исходя из предпосылки «как есть», т.е. когда реакция налоговых поступлений учитывает не только изменения национального дохода, но и дискреционные изменения в налоговой политике, затрагивающие налоговые ставки, базы и др. (Jenkins et al., 2000: 35). А параметр налоговой эластичности, напротив, используется для расчета реакции налоговых поступлений с опорой на предпосылку «как могло бы быть», если бы не было никаких изменений в налоговом законодательстве (Haughton, 1998: 3). Таким образом, налоговая эластичность – это некоторый полезный², но гипотетический показатель. Его не просто рассчитать, поскольку это требует проведения технически сложного контрфактического анализа (например, постановки контролируемых экспериментов) – сравнения между тем, что на самом деле произошло, и тем, что могло бы произойти бы в отсутствие дискреционного вмешательства.

В дальнейшем мы будем анализировать ситуацию по принципу «как есть», опираясь на вычисление налоговой эластичности как для налоговых поступлений в целом, так и для отдельных видов налогов.

Существует несколько способов, которыми можно измерять налоговую динамичность за ряд лет. Например, ее можно рассчитать за отдельные годы, а потом определить среднее значение, или рассчитать изменение налоговых поступлений и налоговой базы между начальным и конечным годом рассматриваемого периода и на этой основе определить B_{TY} или разбить весь период на интервалы и для каждого из них рассчитать требуемый показатель. Можно также воспользоваться техникой регрессионного анализа – простого (например, поиска зависимости по фактическим или логарифмированным рядам данным) или более продвинутого (построения модели авторегрессии с распределенным лагом и предварительным устранением фактора сезонности в каждом из рядов – если используются ежемесячные или ежеквартальные данные)³.

Мы будем использовать наиболее простые и наглядные методы точечных и интервальных расчетов B_{TY} , а также инструменты регрессионного анализа.

Исходные данные для анализа – статистическая информация Росстата и Минфина России о ВВП, дефляторе ВВП, инвестициях и др., а также об исполнении федерального и консолидированного бюджетов РФ в разрезе нефтегазовых и ненефтегазовых доходов, в том числе с разбивкой по отдельным наиболее крупным налогам и страховым взносам.

Анализируемый период охватывает данные с 2006 г. (по которому имеется сводная информация Минфина о доходах консолидированного бюджета (КБ) с разбивкой на нефтегазовые и ненефтегазовые доходы⁴) по 2022 г. включительно. Основное внимание уделено периоду развития российской экономики, начиная с ее сильного падения в 2009 г. вследствие Великой рецессии (2007–2009 гг.), после которого началось экономическое восстановление. Но дело не только в этом. Главное – что мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал ущербность прежней экономической политики, основанной на формуле «нефть и газ в обмен на товары и технологии». Стало очевидным, что России для соблюдения интересов национальной безопасности нужно строить и проводить иную политику, опирающуюся на собственную обновленную индустрию и собственные технологические компетенции (технологический суверенитет). На это же время приходится взрывной рост новых цифровых технологий, маркером чего стало изобретение биткойна (в 2009 г. была закончена разработка протокола и опубликован код программы-клиента). В этот же период возникла и получила широкое признание концепция Четвертой промышленной революции и Индустрии 4.0 (Шваб, 2016), сердцевину которой составляют киберфизические технологии и искусственный интеллект. Стартовала всемирная гонка в данной сфере, наиболее наглядно проявившаяся в производстве микрочипов (Miller, 2022).

В сложившихся условиях фискальная политика может использоваться более активно, поскольку новым технологиям нужно придать ускорение, чем сейчас и занимаются многие страны мира, например США, Китай, Корея, ЕС и др., принимающие соответствующие меры государственной поддержки⁵. Политику фискального (бюджетно-налогового) стимулирования импортозаме-

² Измерение эластичности отдельных налогов имеет важное значение для понимания перспектив изменения доходов бюджета при неизменных ставках налогов и других норм налогового законодательства.

³ IMF (2014). *Financial Programming and Policies*, Vol. I. Washington, D.C.: Institute for Capacity Development.

⁴ Минфин России (2023). *Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации*. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute>

⁵ KPMG (2021). *Global R&D Incentives Guide*. <https://tax.kpmg.us/content/dam/tax/en/pdfs/2021/global-rd-incentives-guide.pdf>

щения и технологического развития, необходимого для обеспечения экономического роста и национальной экономической безопасности, реализует и РФ.

Рабочие определения и гипотезы. Перед началом анализа фактических данных следует определить, что мы понимаем под политикой налогового стимулирования экономического роста. Ответ на этот вопрос не такой очевидный.

Дело в том, что стимулировать экономический рост, в принципе, можно как через снижение, так и повышение налогов.

В случае повышения налогов у экономических субъектов усиливаются стимулы к поиску новых производственных технологий, способных компенсировать неблагоприятные изменения в окружающей их бизнес-среде. Например, рост цен на традиционные энергоносители стимулирует ускорение энергетического перехода и повышает коммерческую привлекательность разработки и внедрения передовых технологий использования альтернативных источников энергии. В исторической перспективе уровень налогов во многих странах мира повышается⁶, но это не мешает правительствам находить новые источники экономического развития. Кроме того, что более очевидно, рост налогов может означать рост бюджетной поддержки бизнеса и государственных инвестиций (в том числе в человеческий капитал). И если предельная производительность таких инвестиций выше, чем частных, то это может вести к повышению общей эффективности использования ограниченных ресурсов. При этом важно учитывать, что роль государственных инвестиций особенно важна в нынешних условиях обострения геополитического противостояния и геоэкономической фрагментации, а также формирования нового технологического уклада (по причине ограниченности целей и горизонта планирования бизнеса, проблем прохождения «долины смерти» – этапа между исследованиями и успешными инновациями, когда оценить бизнес-перспективы разрабатываемых продуктов еще трудно) (Murphy and Edwards, 2003 и др.).

В случае снижения налогов у экономических субъектов появляются дополнительные финансовые ресурсы для инвестиций в новую технику и технологии, обновление и расширение производства, особенно если такое снижение было обусловлено соответствующими целевыми налоговыми преференциями и льготами – с одной стороны. А с другой стороны, снижение налогов означает уменьшение доходов бюджета, и эти выпадающие поступления не могут быть компенсированы быстро за счет ожидаемой активизации деловой активности и расширения налоговой базы. Поэтому возникающий разрыв нужно финансировать. Это запускает сложные и противоречивые процессы, зависящие от многих факторов: особенностей функционирования рынка государственных ценных бумаг, степени открытости национальной экономики, специфики монетарной политики регулятора и др. Результат их комплексного воздействия, в том числе на экономический рост, предсказать непросто, поэтому остается делать только очень осторожные качественные выводы, которые нельзя прямо верифицировать, например, о том, что «сбалансированные бюджеты не являются добродетелью» (Corden, 2010: 47).

Принимая во внимание указанные обстоятельства, далее будем придерживаться следующих рабочих гипотез. Если при прочих равных условиях налоговая динамичность:

- меньше единицы – имеет место налоговая политика, способствующая частным инвестициям;
- около единицы – имеет место нейтральная налоговая политика;
- выше единицы – имеет место налоговая политика, способствующая государственным инвестициям (государственным капитальным вложениям и бюджетной поддержке инвестиций бизнеса).

При этом априори каждый из указанных типов политики не считается лучшим или худшим в плане влияния на экономический рост, поскольку многое зависит от выбранных форм и методов налогового воздействия на экономику, а также конкретных обстоятельств места и времени.

Здесь нужно дать некоторые пояснения. Вообще-то это тривиальная постановка вопроса об оценке влияния налогов на экономические процессы, только выраженная в контексте понятия

⁶ В странах ОЭСР уровень налогов по отношению к ВВП (*tax-to-GDP ratio*) увеличился с 25% в 1965 г. до 34% в 2021 г. См.: OECD (2022). *Revenue Statistics 2022. The impact of COVID-19 on OECD tax revenues*, p. 2.

налоговой динамичности. Очевидно, что если, например, по тем или иным причинам темпы роста налогов отстают от темпов роста налоговой базы, то это означает уменьшение налогового коэффициента (*tax ratio*) и опережающий рост располагаемых (после налогообложения) доходов экономических субъектов. Это, в свою очередь, ведет к изменению их сбережений и инвестиций: большой располагаемый доход без ущерба для иных потребностей может быть направлен на инвестиционные цели (с учетом в том числе фактора растущей отдачи от инвестиций после налогообложения), обеспечивает большую гибкость при выборе различных вариантов вложений, повышает склонность к риску и др. Однако в зависимости от особенностей конкретной ситуации дельта инвестиций может принимать разные значения и, соответственно, по-разному сказываться на дальнейшей экономической динамике. Как именно – оценивают, в частности, модели лафферова типа (см., например: Вишнеvский, Липницкий, 2000; Балацкий, Екимова, 2011). Более широкое распространение получили исследования влияния налогов в рамках моделей экзогенного и эндогенного экономического роста, обзор которых можно найти в работе (Myles, 2009). Это могут быть относительно простые конструкции (Zagler and Durnecker, 2003) или очень сложные (Gross and Klein, 2022), но принцип их работы, как правило, схожий: «выпуск – налоги – располагаемые доходы – инвестиции – капитал – выпуск».

Вместе с тем важно понимать, что такого рода модели в связи со сложностью предмета анализа обычно учитывают комплекс различных факторов и содержат много независимых переменных, результаты совместного действия которых предсказать и интерпретировать трудно. Поэтому, как отмечал Г. Майлз, «...теоретические модели ставят ряд вопросов, которые необходимо рассмотреть, но они не дают убедительных или окончательных ответов» (Myles, 2000: 164). Кроме того, такие модели обычно имеют универсальный (неоклассический) характер и абстрагируются от специфики обстоятельств места и времени. Для российской экономики, периодически сталкивающейся с разного рода шоками, эти обстоятельства имеют принципиальное значение.

Поэтому, прежде чем пытаться строить сложные математические модели влияния налогов на экономический рост в РФ, желательно определить эту специфику и ответить на простые вопросы: существуют ли какие-нибудь регулярности в изменении налогов по отношению к налоговой базе в РФ, а если существуют, то как они сказываются (или не сказываются) на инвестициях и экономическом росте, исходя из предпосылки, что изменение налогов так или иначе влияет на доходы экономических субъектов и их деловую активность.

Оценка и интерпретация налоговой динамичности в России

Исходные данные и результаты расчетов налоговой динамичности по всем годам анализируемого периода и за его отдельные интервалы приведены в табл. 1.

В целом за период с 2007 по 2022 г. налоговые доходы КБ (включая страховые взносы на обязательное социальное страхование⁷) росли несколько меньшими темпами, чем налоговая база ($B_{TY} = 0,74$), приблизительно повторяя траекторию роста ВВП (рис. 1).

Если посмотреть на структуру доходов, то ситуация не выглядит так однозначно. В частности, нефтегазовые доходы бюджета зависят не от ВВП как такового ($R^2 < 0,1$), а от мировых цен на нефть (рис. 2), а также других факторов, определяющих объемы добычи и реализации продуктов отрасли (количества и качества месторождений, технологий добычи и переработки, состояния оборудования и др.).

Что касается наиболее крупных налогов в составе ненефтегазовых доходов, (включая взносы на обязательное социальное страхование) – то они по-разному реагируют на изменения ВВП и, следовательно, демонстрируют разную налоговую динамичность (рис. 3).

⁷ Согласно российскому законодательству, страховые взносы на обязательное социальное страхование не относятся к налогам. Однако в этой статье они рассматриваются с позиций влияния на экономический рост, которое аналогично влиянию иных обязательных платежей. Поэтому, как и в известной классификации ОЭСР (<https://www.oecd.org/tax/tax-policy/tax-database/>), такие страховые взносы приравнены к налоговым поступлениям.

Таблица 1
Показатели роста экономики и доходов консолидированного бюджета (КБ) РФ

Показатели	Годы										
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016–2022
ВВП в ценах 2010 г., млрд руб.	45 202	49 060	51 634	47 596	49 740	51 861	53 948	54 895	55 299	54 208	
Темпы роста ВВП в сопоставимых ценах	1,000	1,085	1,052	0,922	1,045	1,043	1,040	1,018	1,007	0,980	
Доходы КБ в текущих ценах, млрд руб.	10 626	13 368	16 169	13 600	16 032	20 855	23 435	24 443	26 766	26 922	
Доходы КБ в ценах 2010 г., млрд руб.	16 613	18 365	18 639	15 529	16 032	17 992	18 564	18 384	18 729	17 564	
Темпы роста доходов КБ в сопоставимых ценах	1,000	1,105	1,015	0,833	1,032	1,122	1,032	0,990	1,019	0,938	
Налоговая динамичность	x	1,24	0,29	2,14	0,72	2,84	0,79	-0,54	2,68	3,11	
Показатели	Годы										
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2006–2022	2009–2015	2016–2022	
ВВП в ценах 2010 г., млрд руб.	54 313	55 305	56 857	58 106	56 564	59 740	58 504	x	x	x	
Темпы роста ВВП в сопоставимых ценах	1,002	1,018	1,028	1,022	0,973	1,056	0,979	1,292	1,050	1,078	
Доходы КБ в текущих ценах, млрд руб.	28 182	31 047	37 320	39 498	38 206	48 118	53 074	x	x	x	
Доходы КБ в ценах 2010 г., млрд руб.	17 878	18 695	20 430	20 939	20 074	21 247	20 237	x	x	x	
Темпы роста доходов КБ в сопоставимых ценах	1,018	1,046	1,093	1,025	0,959	1,058	0,952	1,218	0,942	1,152	
Налоговая динамичность	8,92	2,54	3,31	1,13	1,53	1,04	2,26	0,74	-1,14	1,92	

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>), Минфина (<https://minfin.gov.ru/>) и ФНС России (<https://www.fns.gov.ru/>). Цены приведены в сопоставимый вид с использованием показателя дефлятора ВВП за соответствующие годы

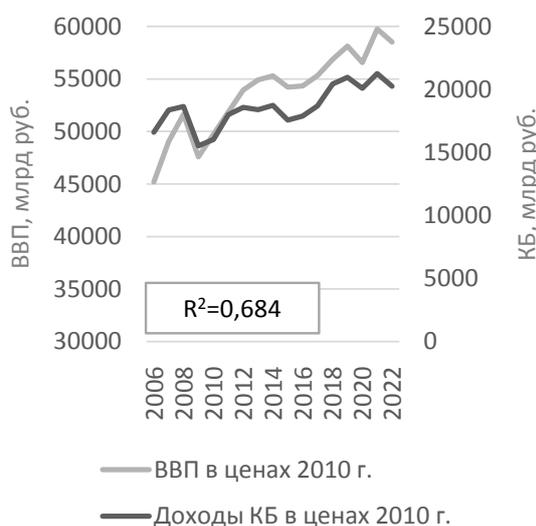

Рис. 1. Динамика ВВП и доходов КБ РФ в сопоставимых ценах

Источник: составлено авторами по данным Росстата (*Национальные счета. 2023. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>*), Минфина России (*Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации. 2023. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute>*), BP (*Statistical Review of World Energy. 2023. <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>*)

Рис. 2. Динамика нефтегазовых доходов КБ РФ и мировых цен на нефть

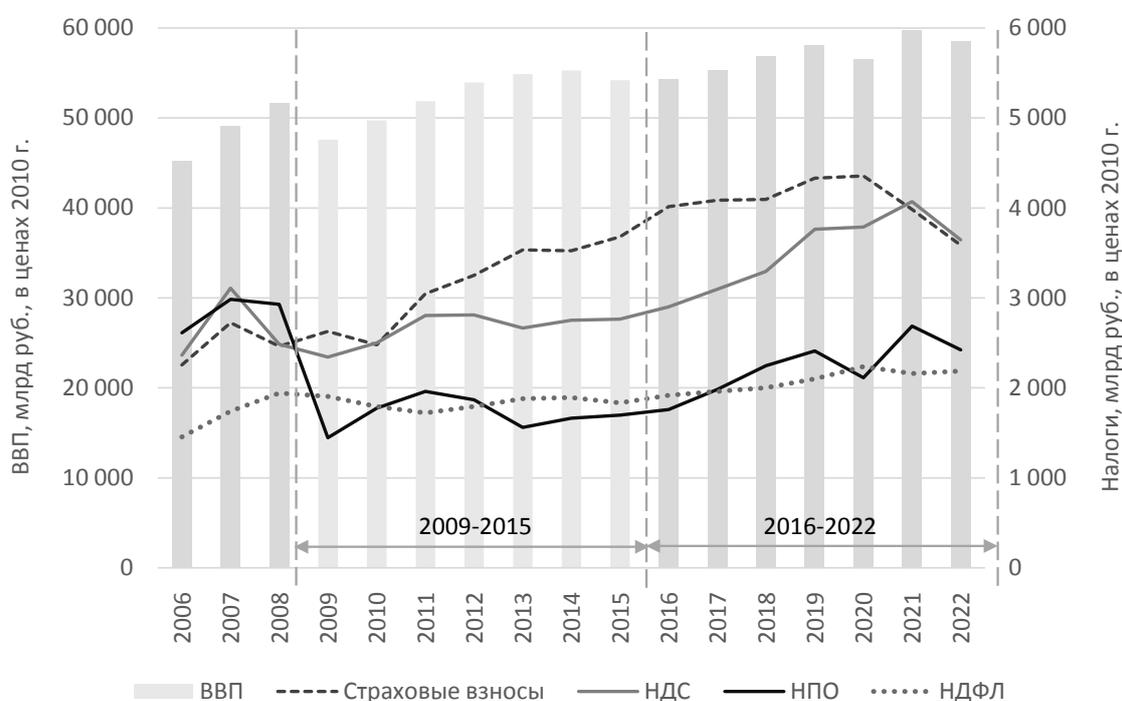

Рис. 3. Сравнительная динамика ВВП и основных источников доходов КБ РФ, в ценах 2010 г.

Источник: составлено авторами по данным Росстата (*Национальные счета. 2023. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>*), Минфина России (*Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации. 2023. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute>*)

В свою очередь, разная налоговая динамичность находит отражение в изменении относительно значения этих налогов для государственных финансов.

Во-первых, следует отметить налог на прибыль организаций (НПО). Если в 2006–2008 гг. он, наряду с НДС и взносами на обязательное социальное страхование, входил в тройку лидеров по поступлениям в бюджет, то с 2009 г. его удельный вес упал, и теперь НПО можно отнести в следующую по значению группу вместе с налогом на доходы физических лиц (НДФЛ).

И, во-вторых, следует отметить положительную динамичность и растущее относительное значение страховых взносов и НДС. Это ожидаемо и обусловлено объективно.

Страховые взносы растут, потому что население РФ стареет, повышается число жителей пенсионного возраста и растет демографическая нагрузка на трудоспособных. И, вероятно, такие неблагоприятные тенденции продолжатся⁸. Можно спорить о путях решения этой проблемы и источниках финансирования соответствующих мер, но сохранение на высоком уровне или даже повышение реальных ставок страховых взносов, по-видимому, неизбежно, что и наблюдается на практике⁹.

Что касается НДС, то его относительное значение растет во многих странах мира уже много десятилетий подряд. Это обусловлено тем, что НДС является более простым и эффективным налогом по сравнению с другими популярными их формами (например, подоходным налогом), особенно в системе международных экономических отношений¹⁰. Но, пожалуй, наиболее важная черта НДС, проявившаяся в последнее время, – это то, что он хорошо поддается цифровизации и его удобно администрировать в условиях автоматизации налогового контроля. Например, в России вследствие внедрения АСК НДС налоговый разрыв по НДС (разница между суммой налога, которая должна быть уплачена, и фактически внесенной суммой) составляет менее 1%¹¹. Использование этой системы, а также единовременное повышение ставки налога в 2018 г. на 2 п.п. (с 18 до 20%) определили опережающий рост бюджетного значения НДС, показанный на рис. 3.

Далее, если смотреть *динамику доходов*, то для лучшего понимания ситуации целесообразно выделить два равных по длительности периода. Первый – начиная с экономического падения вследствие Великой рецессии в 2009 г. до 2015 г. включительно, когда экономика России просела вследствие резкого снижения мировых цен на нефть и введенных экономических санкций. Второй период – с 2016 по 2022 г., когда рост национального производства удалось восстановить и правительство активизировало промышленную политику в целях импортозамещения.

Как показано в табл. 1, эти периоды существенно отличаются по налоговой динамичности – в первом периоде (2009–2015 гг.) она была отрицательной ($B_{TY} = -1,14$), т.е. рост ВВП сопровождался снижением доходов КБ в сопоставимых ценах, а во втором периоде – положительной и больше единицы ($B_{TY} = 1,92$), в том числе благодаря существенному улучшению системы налогового администрирования. Можно сказать, что в первом периоде, в соответствии с предложенными выше рабочими определениями, налоговую политику (или точнее – ситуацию, сложившуюся в фискальной сфере¹²) можно характеризовать как способствующую частным инвестициям, а во втором – как способствующую государственным инвестициям.

Понятно, что капитальные вложения, определяющие экономический рост, зависят от множества самых разных факторов, среди которых фискальный обычно не самый главный. Поэтому более или менее точные оценки влияния налогов на инвестиции и выпуск требуют проведения

⁸ Федеральная служба государственной статистики (2019). *Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 года*. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529>

⁹ Относительная динамика страховых взносов в условиях старения населения определяется множеством различных факторов (демографических, экономических, социальных), которые определяют их эластичность по ВВП (см., например: Jimeno et al., 2008). Тем не менее на практике получается так, что во многих странах повышение демографической нагрузки на трудоспособное население ведет к росту удельного веса страховых взносов в структуре правительственных доходов. См.: OECD. Revenue Statistics 2022. The impact of COVID-19 on OECD tax revenues, p. 10.

¹⁰ НДС считается нейтральным с точки зрения международной торговли, поскольку как товары отечественного производства, так и полученные из-за рубежа облагаются по одной и той же ставке (обычно применяется нулевая ставка на экспорт и внутренняя по отношению к импортированным товарам).

¹¹ Коммерсантъ (2019). Самая маленькая тень. Налоговый разрыв по НДС достиг мирового минимума. <https://www.kommersant.ru/doc/4171441>

¹² Фискальная (налогово-бюджетная) политика формируется под влиянием различных групп интересов, в связи с чем ее нормы часто имеют компромиссный и противоречивый характер. Поэтому на практике особенности налоговой системы в тот или иной период времени могут сильнее зависеть от действия неконтролируемых внешних факторов, например, таких как шоковое снижение мировых цен на нефть в 2014–2015 гг.

технически сложного анализа с использованием специальных математических методов, результаты которого трудно интерпретировать.

Тем не менее и без такого сложного моделирования можно ожидать проявления некоторых зависимостей – например, государственных инвестиций в науку в связи с повышением ее значения для развития экономики, от изменения поступлений в КБ.

В историческом аспекте так оно и есть – по мере роста доходов многих государств еще быстрее растут национальные вложения в науку (в том числе благодаря налоговому стимулированию исследований и разработок частного сектора), поскольку она приобретает все большее значение. Например, в странах ОЭСР в период с 2000 по 2021 г. налоговый коэффициент (*tax revenue as % of GDP*) увеличился с 32,9% до 34,1% (в 1,04 раза), а расходы на исследования и разработки (*research and development expenditure, % of GDP*) – с 2,25% до 2,95% (в 1,31 раза)¹³.

Однако, исходя из приведенных данных, в России не наблюдается никакой явно выраженной связи между доходами КБ и инвестициями: ни общими инвестициями в основные фонды, ни инвестициями в НИОКР, ни государственными, ни частными, ни в целом за период 2006–2022 гг., ни за отдельные его отрезки (2009–2015 и 2016–2022 гг.). Единственная заметная (но умеренная) связь была обнаружена между доходами КБ и государственным финансированием науки из средств федерального бюджета (ФБ) (и то и другое в относительном выражении представлено на рис. 4). Эта связь отрицательная, т.е., судя по линии тренда, когда доля налогов в ВВП растет, удельные вложения государства в науку (в процентах от ВВП) уменьшаются.

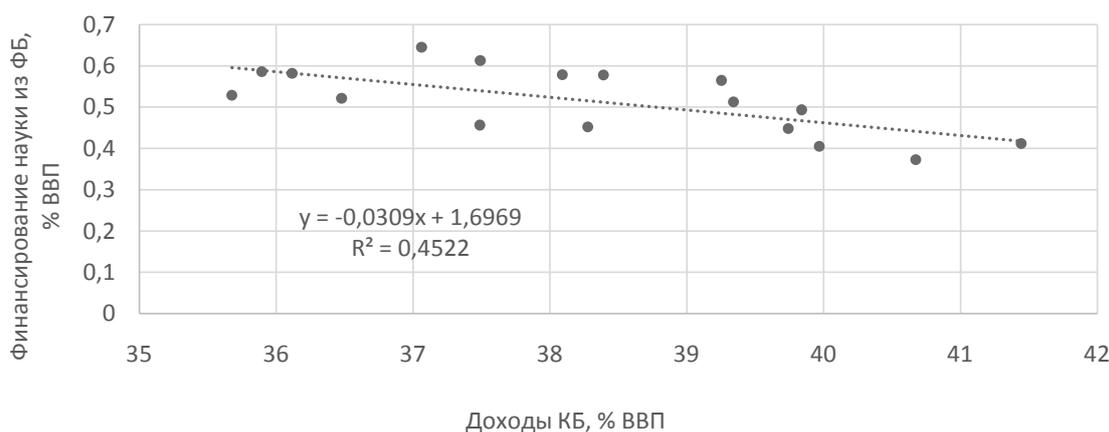

Рис. 4. Зависимость между удельными доходами КБ и государственным финансированием науки в РФ (2006–2022 гг.)

Источник: рассчитано авторами по данным Минфина России (*Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации. 2023.* <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/consolidated/execute/>); Власова В.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. (2023). *Наука. Технологии. Инновации: 2023: Краткий статистический сборник.* М.: НИУ ВШЭ, 102 с.

Получается, что в России в сложившихся условиях характер налоговой динамичности не оказывает заметного влияния на инвестиции и экономический рост. Это объясняется тем, что сам факт поступления дополнительных финансовых ресурсов в распоряжение частного сектора или правительства еще не означает, что они будут направлены на разработку и внедрение новой техники и технологий.

Как свидетельствует статистика (табл. 2), вот уже более чем полтора десятилетия, как в России валовое накопление основного капитала (*Gross fixed capital formation, GFCF*) «застряло» на уровне 20–22% ВВП. Это намного меньше, чем у динамичных экономик (например, в Китае, Индии, Индонезии, Южной Корее и других странах *GFCF* превышает 30% ВВП), и ниже среднемирового уровня (26% в 2020 г.).

¹³ Рассчитано по данным Всемирного банка. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators?l=en>

Таблица 2
Доходы консолидированного бюджета и инвестиций в основной капитал и НИОКР в РФ, % к ВВП

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Доходы КБ, всего	36,8	37,4	36,5	32,6	32,2	34,7	34,4	33,5	33,9
В т. ч.: нефтегазовые доходы КБ	10,2	8,1	9,9	7,2	7,7	9,4	9,5	9,0	9,4	7,1
нефтегазовые доходы КБ	26,6	29,3	26,6	25,5	24,5	25,3	24,9	24,5	24,5	25,3
Инвестиции в основной капитал*	18,5	21,0	22,3	22,0	21,6	21,3	21,6	21,9	21,4	20,6
В т. ч. государственная форма собственности	3,2	3,7	4,0	4,2	3,6	3,6	3,6	3,8	3,2	2,8
частная форма собственности	8,8	10,4	11,4	12,1	12,9	11,6	10,9	11,8	12,1	12,3
Внутренние затраты на исследования и разработки	1,07	1,12	1,04	1,25	1,13	1,02	1,03	1,03	1,07	1,10
В т. ч. финансирование науки из средств ФБ	0,37	0,41	0,40	0,58	0,53	0,58	0,58	0,64	0,61	0,59
Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2006–2022	2009–2015	2016–2022
Доходы КБ, всего	32,9	33,8	35,9	36,0	35,5	35,6	34,6	34,6	33,4	34,9
В т. ч.: нефтегазовые доходы КБ	5,7	6,5	8,7	7,2	4,9	6,7	7,6	7,9	8,4	6,7
нефтегазовые доходы КБ	27,3	27,3	27,3	28,8	30,6	28,9	27,0	26,7	24,9	28,2
Инвестиции в основной капитал*	21,9	22,0	20,7	20,9	21,6	19,7	20,7	21,2	21,5	21,1
В т. ч. государственная форма собственности	3,3	3,2	3,1	3,3	3,8	3,2	3,5	3,5	3,6	3,3
частная форма собственности	12,2	12,8	12,2	12,5	13,0	12,1	13,6	11,9	12,0	12,6
Внутренние затраты на исследования и разработки	1,10	1,11	0,99	1,04	1,10	1,00	0,94	1,1	1,1	1,0
В т. ч. финансирование науки из средств ФБ	0,52	0,46	0,45	0,49	0,56	0,51	0,45**	0,5	0,6	0,5

* Валовое накопление основного капитала (*Gross fixed capital formation*) по данным Всемирного банка. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators?l=en>

** Предварительные данные.

Источник: составлено авторами по данным Росстата (*Технологическое развитие отраслей экономики*. 2023. <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>), Минфина России (*Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации*. 2023. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/consolidated-budget/execute>); Блосова В.В., Юхберг Л.М., Дитковский К.А. и др. (2023). *Наука. Технологич. Инновации: 2023: Краткий статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ, 102 с.

То же самое касается инвестиций в НИОКР – в РФ они составляют около 1% ВВП, что многократно меньше, чем у технологических лидеров (Южная Корея – 4,8%, США – 3,4%, Япония – 3,2%, Германия – 3,1% в 2020 г.) и ниже среднемирового уровня (2,6% в 2020 г.)¹⁴. Отсюда и такие темпы экономического прироста в РФ – в среднем за 2009–2022 гг. около 1% в год. Фактически это застой.

Понятно, что если бы российское правительство в последние годы не приняло ряд важных мер по целевому стимулированию экономики (СПИК, СЗПК, Фонд развития промышленности, Фабрика проектного финансирования и др.), то ситуация была бы еще хуже. Тем не менее факт остается фактом: в 2009–2022 гг. на макроэкономическом уровне существенных положительных сдвигов в сфере инвестиций и экономического роста не наблюдалось. Ситуация заметно изменилась только в 2023 г., когда в связи с особыми внешнеполитическими обстоятельствами правительство выделило беспрецедентные по объему инвестиции в развитие мощностей предприятий оборонно-промышленного комплекса¹⁵, что привело к неожиданно высоким темпам экономического роста.

Отдельно характеризуя последние тенденции, следует отметить, что за это время заметно возросла налоговая нагрузка на нефтегазовый сектор экономики – с 24,9% ВВП в среднем в 2009–2015 гг. до 28,2% в 2016–2022 гг. (на 3,3 п.п.), а на нефтегазовый – несколько снизилась (на 1,7 п.п.). Можно считать это долгосрочным трендом, в том числе обусловленным доминирующими в мире тенденциями снижения углеродоемкости производства и потребления. Как уже отмечалось, налоговая динамичность в целом за этот период была больше единицы, что при прочих равных условиях характерно для фискальной политики, способствующей государственным инвестициям. Но по факту существенной активизации инвестиционной деятельности и ускорения экономического роста не наблюдалось. Это означает, что общественные деньги, несмотря на усилия правительства РФ по ускорению технологического развития и поддержке инвестиций – как государственных, так и частных, – в производство не возвращались, по крайней мере в заметных на макроэкономическом уровне размерах (за исключением, как уже было отмечено, специфического в военно-политическом отношении 2023 г.).

Чего можно ожидать в будущем и что следует предпринять

В связи с обострением геополитического противостояния потребность российского правительства в дополнительных бюджетных расходах будет возрастать. Кроме того, рост государства поддерживают такие долгосрочные факторы, как становление нового технологического уклада, который требует особого внимания со стороны правительства, а также необходимость решения проблем, связанных с геоэкономической фрагментацией и экологией. Учитывая консервативный характер государственной долговой политики, в ближайшие годы ожидать существенного снижения общего уровня налогов не приходится, и налоговая динамичность в целом при прочих равных условиях останется положительной и близкой к единице. В этих условиях для ускорения темпов экономического роста ключевое значение имеет не столько сокращение доли налогов в ВВП, сколько указанная выше проблема возврата денег в экономику на систематической основе.

Самый очевидный способ такого возврата – дальнейшая активизация и масштабирование усилий правительства по стимулированию экономики с использованием возможностей специальных институтов развития (ранее упомянутые СПИК, СЗПК, Фонд развития промышленности, Фабрика проектного финансирования и др.). Характерным примером является Фонд развития промышленности, выдающий предприятиям льготные займы под низкие проценты. Он уже зарекомендовал себя как эффективный инструмент поддержки национальной индустрии. Однако, несмотря на ежегодную докапитализацию, размеры этого фонда (немногим более 100 млрд руб. в 2022 г. и примерно такая же сумма на 2023 г.¹⁶), с учетом масштабов решаемых проблем, явно недостаточны.

¹⁴ На это можно возразить, что в РФ большая часть инвестиций в НИОКР финансируется за счет бюджета, а не бизнеса, так что в этом аспекте ситуация более или менее нормальная по сравнению с другими странами. Однако данный аргумент не вполне корректен. Дело в том, что именно государство ответственно за общий уровень исследований и разработок в стране, и, если бизнес не заинтересован или опасается ими заниматься, значит, в стране остаются давние проблемы с формированием благоприятной институциональной среды.

¹⁵ Правительство России (2023). Заседание Координационного совета по обеспечению потребностей Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. <http://government.ru/news/48519/>

¹⁶ SoInvest (2023). Поддержка промышленности в 2023: сколько выделено денег на разные программы. <http://soinvest.ru/promyshlennaya-politika/meru-podderzhki-promyshlennosti-v-2023-skolko-vydeleno-deneg-na-kazhdoe-pp-ri/>

Что же касается собственно налоговых методов возврата денег в экономику – т.е. снижения эффективных (реальных) ставок отдельных налогов или групп налогов с целью поддержки инвестиционно-инновационной активности бизнеса, то для их определения нужно учитывать специфику и динамику отдельных налогов, в том числе их влияние на деятельность предприятий и фактор цифровизации.

Нефтегазовые доходы (НДПИ, налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, соответствующие таможенные пошлины и акцизы), как было отмечено ранее, постепенно теряют свое значение в качестве источника доходов бюджета и, соответственно, стимулирования экономики. Вероятно, такая тенденция сохранится в связи с ожидаемым снижением углеродоемкости мирового производства и потребления, развитием альтернативных источников энергии, проблемами перенаправления потоков российского экспорта углеводородов, ростом предложения со стороны азиатских НПЗ и др.¹⁷

Среди нефтяных доходов налоги на зарплату – НДФЛ и страховые взносы, – вероятно, будут расти и характеризоваться положительной динамикой ($B_{TY} \geq 1$) в связи с ожидаемым ростом трудовых доходов населения, возможным повышением степени прогрессивности НДФЛ и проблемами демографического старения, а также по той причине, что они хорошо поддаются цифровизации. НДС – главная «рабочая лошадка» бюджета – сохранит свои лидирующие позиции как относительно нейтральный, технически удобный и уже автоматически контролируемый налог. Динамичность этого показателя, вероятно, будет приближаться к единице, поскольку потенциал сокращения налогового разрыва по НДС уже во многом исчерпан, а о принципиальном изменении его базы, основной ставки и налоговых льгот речь пока не идет. Следует учитывать, что НДФЛ и НДС не оказывают прямого влияния на экономику предприятий (если абстрагироваться от проблем налогового администрирования, включая вопросы бюджетного возмещения НДС, а также уклонения от уплаты этих налогов и связанных с этим трансакционных издержек), а социальные взносы, включаемые в себестоимость продукции и уменьшающие рентабельность выпуска, имеют целевой (социальный) характер использования. Кроме того, следует учитывать, что уже много лет Пенсионный фонд¹⁸ более чем на треть финансируется из бюджета. В таких условиях, учитывая консервативный характер долговой политики государства и проблемы с нефтегазовыми доходами, снижение начислений на зарплату для стимулирования бизнеса может потребовать компенсации за счет НДС и НДФЛ, т.е. налогов, обременяющих менее обеспеченные слои населения (поскольку потребление занимает у них большой удельный вес в доходах и по причине малой степени прогрессии подоходного налога¹⁹). Поэтому главным претендентом на проведение более активной политики возврата денег в экономику является НПО.

Есть несколько вариантов его использования в этих целях.

Когда бюджетная ситуация стабилизируется, можно просто снизить основную ставку налога на несколько п.п., в зависимости от состояния бюджета, а лучше – до 13%, чтобы уравнивать основные ставки подоходного налога для юридических и физических лиц (с целью упрощения налоговой системы, уменьшения возможностей налогового арбитража и др.). Это технически простое решение, касающееся всех его плательщиков. Но далеко не факт, что такая мера приведет к росту инвестиционно-инновационной активности предприятий. Тем более что, по оценкам специалистов ОЭСР, для стимулирования инвестиций большее значение имеет не снижение основной ставки налога, а использование целевых инструментов стимулирования инвестиций (Napari et al., 2023).

Поэтому имеет смысл обусловить политику снижения эффективной ставки налога определенными встречными действиями со стороны бизнеса. Например, выборочно сузить базу налога для некоторых предприятий за счет расширения инвестиционных льгот. Такую экспансию, начиная с 2024 г., уже предложило правительство в виде инвестиционного налогового вычета по НПО на региональном уровне в размере до 25% их капитальных затрат²⁰.

¹⁷ См., например: International energy agency (2022). *World Energy Outlook 2022*. Revised version, November 2022. IEA Publications.

¹⁸ Сейчас – Социальный фонд России.

¹⁹ В этой связи имеет значение переход на более прогрессивную, чем сейчас, шкалу подоходного налогообложения физических лиц, хотя очевидно, что это неизбежно вызовет массу вопросов и выпятит множество противоречий.

²⁰ Министерство экономического развития Российской Федерации (2023). Правительство поддержало изменение механизма инвестиционного налогового вычета. https://economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_podderzhalo_izmenenie_mehanizma_investicionnogo_nalogovogo_vycheta.html

Но если вводить такого рода инвестиционные стимулы – то лучше делать несколько по-иному, а именно в форме денежного гранта в размере некоторой доли квалифицированных инвестиций, который можно использовать для погашения обязательств предприятий по любому из налогов, а не только по НПО. Это будет давать предприятиям быструю компенсацию части понесенных капитальных затрат вне зависимости от размера прибыли и обязательств по НПО в отчетном периоде. Это предложение относится и к налоговым льготам на НИОКР²¹.

Важно понимать, что в любом случае многие хозяйствующие субъекты не будут спешить воспользоваться выгодами преференциального налогообложения. Главная причина – угроза дополнительного контроля со стороны государства, поскольку любые налоговые льготы связаны с раскрытием информации для властей, чем могут воспользоваться в том числе правоохранительные органы. Учитывая традиционно обвинительный уклон российской правоприменительной практики (Пашин, 2019), для многих предприятий это реальная проблема. Чтобы уменьшить ее масштабы, нужно стремиться сделать процедуры применения налоговых льгот максимально прозрачными. Например, можно попробовать новые возможности, которые открывают цифровой рубль (цифровая валюта центрального банка, основанная на блокчейне) (Kwon et al., 2022) и заключение смарт-контрактов (самоисполняющихся цифровых договоров с заранее определенными условиями и правилами, записанными в коде) (Christians, 2020).

Но, пожалуй, наиболее принципиальным решением на перспективу может стать замена НПО каким-либо иным налогом, не так тормозящим экономический рост и лучше отвечающим условиям цифровой экономики.

Дело в том, что прибыль – это, по сути, вероятностная величина, в принципе не поддающаяся точному расчету и тем более – алгоритмизации и автоматизации. Существует большое разнообразие методов признания доходов, расходов, оценки товарно-материальных запасов, амортизации, учета аренды, валютных операций, обесценения активов, расчета себестоимости продукции и т.д. Единственно правильного решения о выборе того или иного метода и единственно правильной оценки прибыли не существует, а применение специальных правил налогового учета не является надежным решением этой проблемы. Налог на прибыль может хорошо работать там, где компании сами заинтересованы в декларировании высокой прибыли для поддержания роста цен акций, привлечения внешних инвесторов и др. Очевидно, что это явно не та ситуация, с которой имеют дело многие российские предприятия.

Поэтому со временем желательно было бы заменить НПО на такую форму налога, которая меньше препятствует экономическому росту²² и хорошо поддается цифровизации (поскольку налоги, плохо поддающиеся цифровизации, рано или поздно будут вытеснены из хозяйственной практики). Это может быть, например, уже апробированный в других странах налог на выведенный капитал, или налог на денежные потоки по принципу места назначения (*destination basis cash flow tax*), в свое время предложенный к использованию в США (см. сравнительный анализ этих вариантов в работе: Виецкая, 2018), или что-либо иное, сконструированное специально для условий РФ – на этапе разработки это не имеет принципиального значения.

В этой связи специально подчеркнем – мы не предлагаем здесь конкретных альтернатив НПО, обоснование которых требует специальных исследований и публичных дискуссий. Вопрос в ином, а именно в том, что отдельные налоги имеют свой жизненный цикл, связанный с развитием доминирующих производственных технологий и соответствующих институтов (Вишневецкий и др.,

²¹ Такой механизм действует, например, в Италии, где предоставляется объемный налоговый кредит в размере 12% квалифицированных расходов на НИОКР, который может быть использован для компенсации любого вида налоговых обязательств предприятия тремя равными частями в течение трех финансовых лет. См.: Deloitte (2020). *Survey of Global Investment and Innovation Incentives. Italy*. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-survey-of-global-investment-and-innovation-incentives-italy-2020.pdf>

²² В неофициальном рейтинге самых «вредных» налогов для экономического роста налог на прибыль корпораций занимает первое место. Он вносит искажения в выбор объемов инвестиций и типов реализуемых инвестиционных проектов, источников финансирования (заемные средства, вновь выпущенные акции или нераспределенная прибыль), местоположения налоговой базы, организационно-правовой формы бизнеса, а также может оказывать влияние на слияние и поглощение компаний (Johansson et al., 2008: 34). Последние эмпирические оценки подтверждают, что налог на прибыль корпораций, снижая доходность после уплаты налогов, отрицательно влияет на уровень инвестиций, определяющих долгосрочный экономический рост, хотя их чувствительность к этому налогу существенно различается в зависимости от видов предприятий, активов, национальных особенностей механизма налогообложения корпораций и др. (Hanappi et al., 2023: 18).

2020), так что со временем значение одних налогов объективно растет, а других – падает. Наблюдаемые теперь процессы цифровизации экономики явно ухудшают конкурентные позиции НПО, по крайней мере в его нынешней форме, поскольку он плохо «вписывается» в новую цифровую реальность. Это уже фактически признано на международном уровне: для противодействия налоговому планированию в условиях цифровизации потребовалось принять специальное решение о перераспределении части прибыли ТНК в пользу юрисдикций, где они получают доходы, а также о введении глобального минимального налога на прибыль корпораций. Это явно паллиативные меры, вызывающие много вопросов²³.

Поэтому уже сейчас следует учитывать риски того, что НПО может со временем потерять свою значимость как источник бюджетных доходов и регулятор хозяйственных процессов, и, следовательно, заниматься поиском возможных вариантов его преобразования или замены. При этом принципиально важно, чтобы новый (или улучшенный старый) налог органично вписывался в стратегическую задачу цифровизации налоговой системы и трансформации налогового администрирования в «адаптивную платформу», работающую исключительно с цифровыми источниками данных и с цифровыми идентичностями налогоплательщиков, оперирующую в режиме реального времени со встроенным налоговым комплаенсом²⁴.

Выводы

В развитии налоговой системы России после мирового финансово-экономического кризиса можно выделить два этапа: первый (2009–2015 гг.), когда налоговая динамичность была меньше единицы, т.е. темпы прироста налогов отставали от темпов прироста ВВП; и второй (2016–2022 гг.), когда налоговая динамичность была больше единицы, т.е. темпы прироста налогов опережали темпы прироста ВВП. При налоговой динамичности меньше единицы может наблюдаться рост частных инвестиций (поскольку растут посленалоговые доходы бизнеса), а больше единицы – рост государственных инвестиций (так как больше добавленной стоимости поступает в распоряжение правительства).

В России, несмотря на такие изменения налоговой динамичности, явно выраженного влияния налогов на инвестиции в НИОКР и основной капитал не обнаружено. В этом смысле для российских условий рабочие гипотезы исследования не подтвердились. Вложения в основной капитал колебались в интервале 20–22% ВВП, а в исследования и разработки – 1,0–1,1% ВВП, в результате чего средние темпы прироста ВВП составили около 1% в год. Это не означает, что налоги вообще не имели значения (его можно выявить посредством контрфактического анализа), а свидетельствует о том, что влияние налогов на инвестиции и экономический рост на макроэкономическом уровне было нивелировано действием иных, неналоговых факторов.

Период с 2016 по 2022 г. характеризовался постепенным снижением бюджетного значения нефтегазовых доходов (их налоговая динамичность была меньше единицы) и опережающим ростом ненефтегазовых доходов, прежде всего за счет НДС (была повышена основная ставка налога и улучшен механизм его администрирования). Но дополнительно полученные правительством ненефтегазовые доходы не поспособствовали заметной активизации инвестиционной деятельности и ускорению экономического роста.

Для того чтобы изменить ситуацию к лучшему и обеспечить возврат денег в реальный сектор на систематической основе, а не в связи с чрезвычайными обстоятельствами, следует активизировать усилия правительства по стимулированию экономики с использованием потенциала институтов развития, а также принять меры по уменьшению эффективной ставки НПО. Этого можно достичь за счет снижения его основной номинальной ставки и/или расширения инновационно-инвестиционных льгот, а в перспективе – замены налога на прибыль в его нынешнем виде альтернативным налогом, лучше поддающимся цифровизации и меньше препятствующим экономическому росту.

²³ Stiglitz, J. (2021). The Global Tax Devil Is in the Detail. <https://www.project-syndicate.org/commentary/problems-with-global-tax-reform-proposals-by-joseph-e-stiglitz-2021-07>

²⁴ Бутрин Д. (2018). Налоговая служба везде и нигде. Михаил Мишустин объявил о трансформации ФНС и налогов в будущем. *Коммерсант*, 12 декабря. <https://www.kommersant.ru/doc/3827557> (дата доступа: 27.12.2023)

Литература / References

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2011). Налогово-бюджетная политика и экономический рост. *Общество и экономика* (4–5), 197–214. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2011). Fiscal policy and economic growth. *Obshchestvo i ekonomika* (4-5), 197–214 (in Russian)].
- Виетская О.В. (2018). Современные тенденции в налогообложении прибыли корпораций: перспективы налога на выведенный капитал. *Экономика промышленности* (2), 23–49. [Vietska, O. (2018). Modern trends in corporate income taxation: perspectives of the withdrawn capital tax. *Ekonomika promyshlennosti* (2), 23–49 (in Russian)]. DOI: 10.15407/econindustry2018.02.024
- Вишневский В.П., Гончаренко Л.И., Никулкина И.В., Гурнак А.В. (2020). Налоги и технологии: прошлое, настоящее и будущее налоговой системы России. *Terra Economicus* **18**(4), 6–31. [Vishnevsky, V., Goncharenko, L., Nikulkina, I., Gurnak, A. (2020). Taxes and technologies: Past, present and future of the Russian tax system. *Terra Economicus* **18**(4), 6–31 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-6-31
- Вишневский В., Липницкий Д. (2000). Оценка возможностей снижения налогового бремени в переходной экономике. *Вопросы экономики* (2), 107–116. [Vishnevsky, V., Lipnitsky, D. (2000). Estimation of possibilities to reduce the tax burden in the transition economy. *Voprosy ekonomiki* (2), 107–116 (in Russian)].
- Гурнак А.В., Назарова Н.А. (2023). Налоговое стимулирование экономического роста в России: проблемы и перспективы. *Налоги и налогообложение* (1), 1–16. [Gurnak, A., Nazarova, N. (2023). Tax stimulation of economic growth in Russia: Problems and prospects. *Nalogi i nalogooblozhenie* (1), 1–16 (in Russian)]. DOI: 10.7256/2454-065X.2023.1.39483
- Лыкова Л.Н. (2020). Налоговые льготы для поддержки инвестиций: российская история и современное состояние. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (6), 66–79. [Lykova, L. (2020). Tax incentives to support investments: Russian history and current situation. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* (6), 66–79 (in Russian)]. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10070
- Пансков В.Г. (2023). Изменение приоритетов в распределении налоговой нагрузки как условие обеспечения перехода к опережающему развитию. *Экономика. Налоги. Право* **16**(1), 140–151. [Panskov, V. (2023). Changing priorities in the distribution of the tax burden as a condition for ensuring the transition to advanced development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* **16**(1), 140–151 (in Russian)]. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-140-151
- Пашин С. (2019). У нас есть много вещей, которые выглядят как настоящие, только не работают. *Закон* (4), 7–21. [Pashin, S. (2019). We have a lot of stuff that looks like the real thing, only it doesn't work. *Zakon* (4), 7–21 (in Russian)].
- Шваб К. (2016). *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо. [Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo (in Russian)].
- Balatsky, E., Ekimova, N. (2020). Evaluation of Russian economic sectors' sensitivity to tax burden. *Journal of Tax Reform* **6**(2), 157–179. DOI: 10.15826/jtr.2020.6.2.080
- Blanchard, O., Galí, J. (2007). Real wage rigidities, and the new Keynesian model. *Journal of Money, Credit and Banking* **39**(1), 35–65.
- Constâncio, V. (2020). The return of fiscal policy and the Euro Area fiscal rule. *Comparative Economic Studies* **62**, 358–372. DOI: 10.1057/s41294-020-00122-3
- Corden, M. (2010). The theory of the fiscal stimulus: how will a debt-financed stimulus affect the future? *Oxford Review of Economic Policy* **26**(1), 38–47.
- Christians, A. (2020). Taxation in the age of smart contracts: The CryptoKitty conundrum. *Ohio State Tech Law Journal* **91**, 92–113.
- Gross, T., Klein, P. (2022). Optimal tax policy and endogenous growth through innovation. *Journal of Public Economics* **209**, 104645. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2022.104645

- Haughton, J. (1998). *Estimating tax buoyancy, elasticity, and stability*. African Economic Policy Paper Discussion Paper 11, July.
- Jenkins, G., Kuo, C.-Y., Shukla, G. (2000). *Tax Analysis and Revenue Forecasting: Issues and Techniques*. Cambridge: Harvard Institute for International Development, Harvard University.
- Jimeno, J., Rojas, J., Puente, S. (2008). Modelling the impact of aging on social security expenditures. *Economic Modelling* **25**(2), 201–224. DOI: 10.1016/j.econmod.2007.04.015
- Johansson, Å., Heady, C., Arnold, J., Brys, B., Vartia, L. (2008). Taxation and Economic Growth. *Economics Department Working Paper*, 620, OECD Economics Department. DOI: 10.1787/241216205486
- Hanappi, T., Millot, V., Turban, S. (2023). *How does corporate taxation affect business investment? Evidence from aggregate and firm-level data*. OECD Economics Department Working Papers № 1765. DOI: 10.1787/04e682d7-en
- Ivanov, V., Lvova, N., Pokrovskaja, N., Naumenkova, S. (2018). Determinants of tax incentives for investment activity of enterprises. *Journal of Tax Reform* **4**(2), 125–141. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.2.048
- Kwon, O., Lee, S., Park, J. (2022). Central bank digital currency, tax evasion, and inflation tax. *Economic Inquiry* **60**(4), 1497–1519. DOI: 10.1111/ecin.13091
- Miller, C. (2022). *Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology*. New York: Scribner.
- Murphy, L., Edwards, P. (2003). *Bridging the Valley of Death: Transitioning from Public to Private Sector Financing*. Colorado: National Renewable Energy Laboratory. <https://www.nrel.gov/docs/gen/fy03/34036.pdf>
- Myles, G. (2000). Taxation and economic growth. *Fiscal Studies* **21**(1), 141–168.
- Myles, G. (2009). *Economic growth and the role of taxation – Theory*. OECD Economics Department Working Papers, 713, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/222800633678
- Vishnevsky, V., Polovyan, A. (2016). Fiscal or monetary stimulus? Evolutionary arguments for tax reforms. *Journal of Tax Reform* **2**(3), 208–226. DOI: 10.15826/jtr.2016.2.3.025
- Wade, K. (2023). *The return of “fiscal activism”*. London: Schroder Investment Management Limited.
- Zagler, M., Durnecker, G. (2003). Fiscal policy and economic growth. *Journal of Economic Surveys* **17**, 397–418. DOI: 10.1111/1467-6419.00199